мастера современной прозы

АЛЕХО КАРПЕНТЬЕР

Алехо Карпентьер
Концерт барокко

OCR Busya
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160651
Алехо Карпентьер. серия «Мастера современной прозы»: Радуга; Москва; 1988

Аннотация

Повесть «Концерт барокко» – одно из самых блистательных произведений Карпентьера, обобщающее новое видение истории и новое ощущение времени. Название произведения составлено из основных понятий карпентьеровской теории: концерт – это музыкально-театральное действо на сюжет Истории; барокко – это, как говорил Карпентьер, «способ преобразования материи», то есть форма реализации и художественного воплощения Истории. Герои являются символами-масками культур (Хозяин – Мексика, Слуга, негр Филомено, – Куба), а их путешествие из Мексики через Гавану в Европу воплощает развитие во времени человеческой культуры, увиденной с «американской» и теперь уже универсальной точки зрения.

Содержание

I 4
II 14
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Алехо Карпентьер
Концерт Барокко

I

Радостно пойте…
Псалом 80

Из серебра узкие ножи, изящные вилки; из серебра большие блюда с чеканкой в виде серебряного дерева, чьи листья хранили, бывало, в своих углублениях жирные соки жаркого; из серебра фруктовые вазы – три круглые тарелки, надетые одна над другой на стержень, увенчанный серебряным гранатом; из серебра винные кувшины, выкованные серебряных дел мастерами; из серебра блюда для рыбы, и на каждом – выпуклая серебряная султанка плывет над сплетенными водорослями; из серебра солонки, из серебра щипцы для орехов, из серебра ложечки, украшенные монограммами… И все это потихоньку, неторопливо, с заботой, чтобы не звякнуло серебро о серебро, укладывается в темные глубины деревянных ящиков, багажных корзин, сундуков с надежными запорами, под бдительным оком закутанного в халат Хозяина, и он один, только он по временам разрешал серебру за-

звенеть, когда мастерски мочился, метко направляя мощную струю в серебряный ночной сосуд с лукаво подмигивающим серебряным глазом на дне, сразу же ослепленным пеной, которая, отразив в себе столько серебра, тоже начинала серебриться…

– Сюда – то, что остается, – говорил Хозяин. – Туда – все, что. поедет.

Среди подготовленного к отправке тоже немного серебра – кое-какая столовая посуда, набор кубков и, конечно, сосуд с серебряным глазом, но, главное, шелковые рубашки, короткие шелковые штаны, шелковые носки, китайские шелка, японский фарфор – сервиз для утреннего чая, а его, да будет вам известно, лучше всего пить в приятном обществе, и манильские шали, совершившие путь через просторы западных морей. Франсискильо – лицо у него замотано, словно узел с бельем, в голубой платок, который прижимает мягчительные листья к раздутой флюсом правой щеке, – во всем подражал Хозяину и даже мочился так же, как он, правда не в серебряный сосуд, а в глиняный горшок. Он тоже ходил из патио в галерею, из прихожей во внутренние покои, подпевая, словно церковный служка: «Сюда – то, что остается… Туда – то, что едет».

И так прекрасны были в лучах заходящего солнца шали и шелка, серебряные блюда, китайские и японские изделия, покоясь среди стружек, где предстояло им мирно спать либо терпеть превратности далекого пути, что Хозяин, все еще в

халате и колпаке – в этот вечер прощальных визитов не ожидалось, и можно было не переодеваться, – предложил слуге, после того как были заперты все ящики, сундуки, корзины и ларцы, разделить с ним кувшин вина. Затем, прогуливаясь медленным шагом, он принялся разглядывать упакованные вещи, затянутую чехлами мебель, картины, которые остались висеть на стенах. Вот портрет племянницы-монахини: в белых одеждах, с длинной нитью четок, осыпанная драгоценностями и цветами, – взгляд у нее, пожалуй, слишком пылкий, – она изображена в день, когда стала невестой господней. Напротив, в черной квадратной раме, портрет владельца дома, выписанный с каллиграфическим мастерством: кажется, будто художник сделал его одной линией – петлистой, скрученной завитками, раскрученной и снова закрученной, – ни разу не оторвав перо. Но самая великолепная картина была там, в зале для балов и приемов, где подавались атоле [1] и шоколад, – на этой картине европейский художник, проездом побывавший в Койоакане, запечатлел величайшее событие в истории страны. Монтесума, изображенный не то римлянином, не то ацтеком, каким-то Цезарем в головном уборе из перьев кетцаля, восседает на троне ватикано-мичоаканского стиля, под балдахином, который держат над ним два воина, а рядом стоит растерянный Куаутемок с лицом юного Телемака и миндалевидными глазами. Перед ними – Эрнан Кортес в бархатном берете, со шпагой на поя-

---

[1] *Атоле* – сладкий напиток из молока и кукурузной муки.

се; дерзко поставив сапог на первую ступень императорского престола, он замер в подобающей конкистадору горделивой позе. Позади фрай Бартоломе де Ольмедо, в одеянии ордена мерсенариев, с не очень дружелюбным видом потрясает крестом, а донья Марина в сандалиях и юкатанской хламиде, раскинув руки, видимо, выступает посредницей и переводит владыке Теночтитлана слова испанца [2]. Все написано маслом, густыми мазками, в итальянском вкусе старых времен – теперь же в Италии небеса на сводах с изображениями поверженных титанов подобны своей ясной синевой настоящему небу, а художники пользуются светлой солнечной палитрой. На заднем плане видны двери с драпировками, из-за которых выглядывают любопытные лица индейцев, жадно взирающих на разыгравшуюся перед ними драму, – индейцев, как будто сошедших со страниц какого-нибудь рассказа

---

[2] Монтесума II (1466 – 1520) – император ацтеков. Ацтекская империя располагалась на территории нынешней Мексики. В 1519 году конкистадор Эрнан Кортес (1485 – 1547) после кровопролитной войны покорил ацтеков и захватил в плен Монтесуму, но постарался привлечь его на свою сторону. В отсутствие Кортеса, воевавшего с другими племенами и соперничавшими с ним конкистадорами, вспыхнуло ацтекское восстание. В 1520 году Кортес заставил Монтесуму обратиться к ацтекам с призывом к миру. Обращение это успеха не имело, и Монтесума погиб от руки своих соплеменников. Борьба против испанских конкистадоров продолжалась. В 1521 году Кортес снова осадил столицу империи Теночтитлан, которая продержалась 75 дней под водительством Куаутемока (Гуатимосин; 1495(?) – 1525), последнего императора и национального героя ацтеков, впоследствии казненного Кортесом. Донья Марина (ацтекское имя – Малинче) – индеанка, возлюбленная Кортеса, служившая ему переводчицей и посредницей в переговорах с местными вождями.

о путешествии в татарское ханство…

Дальше, в маленькой гостиной, которая вела в туалетную комнату с парикмахерским креслом, можно было полюбоваться тремя фигурами кисти Rosalba pittora [3], знаменитой венецианской художницы, чьи картины славили в приглушенных тонах – серых, розовых, бледно-голубых, зеленоватых – красоту женщин, далеких и оттого еще более прекрасных. «Три прекрасные венецианки» называлась пастель Росальбы, и Хозяин подумал, что, в конце концов, венецианки эти не так уж далеки, принимая во внимание, что вскоре он сам познакомится с куртизанками – серебра для этого ему не занимать, – которых превозносят в своих писаниях многие прославленные путешественники; скоро и он будет забавляться «игрой в звездочеты», которой, по слухам, там все увлекаются, – другими словами, спрятавшись в гондоле с приспущенными занавесками, скользить по узким каналам и подстерегать неосторожных красоток, когда те, зная, что за ними подсматривают, но изображая полнейшую невинность, поправляют спустившееся с плеча платье и, случается, показывают мимолетно, однако не так уж мимолетно, чтобы не наглядеться всласть, розовое яблоко груди… Хозяин вернулся в большую залу, снова наполнил бокал и, попивая вино, мимоходом прочел двустишие Горация, что велел он выбить над карнизом одной из дверей в насмешку над старыми друзьями лавочниками – не говоря уж о нотариусе, инспек-

---

[3] Художницы Росальбы *(итал.)*.

торе мер и весов и священнике, переводчике Лактанция [4], – которых, за отсутствием людей лучшего положения и звания, он принимал, чтобы поиграть в карты или откупорить прибывшую из Европы бутылку:

> И доблесть старого Катона
> Часто вином, говорят, крепилась. [5]

На галерее, где уже уснули птицы, раздались приглушенные шаги. Появилась ночная гостья, закутанная в шали, печальная, заплаканная – притворщица, нацелившаяся на прощальный подарок: роскошное ожерелье из золота и серебра – камни на вид хороши, но, ясное дело, завтра же надо снести их к какому-нибудь ювелиру, узнать, чего они стоят. В перерыве между рыданиями и поцелуями она требует вина получше, чем в графине, из которого они пьют, хоть и считается, будто оно из Испании, а дает осадок, лучше и не взбалтывать, она-то знает в этом толк, такое вино хоть в клизму наливай, хоть мой себе это самое место – выкладывала она все словечки, украшавшие ее разухабистую речь, – пускай пьют его Хозяин и слуга, тоже мне ценители тупоголовые! А тебя, что ли, во дворце на свет породили, надралась вот сегодня ночью, да ведь ты поломойкой была, за кукурузный початок на работе надрывалась, когда, причастив-

---

[4] *Лактанций (260 – 325)* – христианский писатель и ритор.

[5] Гораций. Оды, кн. III, ода 21. – *Перевод Н. И. Шатерникова.*

шись святых даров и получив папское благословение, скончалась моя добрая, чистая супруга!… Но вот Франсискильо, нацедив вина из самого заветного бочонка, сразу укротил ее язык и распалил дух, и ночная гостья, выставив напоказ груди, уселась, бесстыдно скрестив ноги, а рука Хозяина уже запуталась в кружевах ее нижней юбки, стремясь к жаркому segreta cosa [6], воспетому Данте. Прислужник, стараясь поддержать настроение, взял свою гитару и пел утренние псалмы царя Давида, затем перешел к дневным песням о неверных красавицах – о, я покинут, любимая скрылась и никогда не вернется, а я страдаю, страдаю, страдаю от вечной любви, – пока Хозяину не надоела эта старая дребедень и он, усадив ночную гостью на колени, не потребовал что-нибудь более современное, что-нибудь из того, чему учили в школе, куда он немало денег переплатил за его уроки. И по обширным покоям каменного дома, под сводами, расписанными розовыми ангелочками, среди ящиков – тех, что остаются, и тех, что едут, – набитых серебряными тазами и кувшинами, серебряными шпорами, серебряными пуговицами, серебряными ларчиками, понесся голос слуги, с особым местным акцентом произносившего слова итальянской песни – вполне подходящей в этот день, – песни, которой маэстро научил его накануне:

Ah, dolente partita,

---

[6] Тайный уголок *(итал.)*.

Ah, dolente partita!… [7]

Но тут раздался стук дверного молотка у главного входа. Голос певца прервался, а Хозяин, положив руку на струны, приглушил гитару: «Поди-ка взгляни… Но никого не пускай, хватит уже, целых три дня прощаются…» Вдали заскрипели дверные петли, кто-то от имени сопровождающих попросил прощения, смутно послышалось: «Благодарю, благодарю вас», потом: «Потише, не разбудите его» – и пожелания на разные голоса: «Спокойной ночи».

Слуга вернулся, неся свернутый рулоном большой лист голландской бумаги, где четким, округлым почерком были записаны последние поручения и просьбы – из тех, что приходят на ум остающимся, когда путник уже вдел ногу в стремя, – его друзей и сотрапезников.

Бергамотовое эфирное масло, мандолину с перламутровыми инкрустациями в кремонском вкусе – для дочери – и бочонок мараскина из Зары просил инспектор мер и весов. Два фонарика, по болонской моде, к налобнику для упряжных лошадей просил Иньиго, серебряных дел мастер, наверняка намереваясь взять их за образец для новых изделий в угоду местным заказчикам. Один экземпляр Bibliotheka Orientalis [8] от Ассемино, торгующего книгами в Ватикане, просил приходский священник, кроме нескольких «римских

---

[7] О, печальный отъезд!… *(итал.).*

[8] Восточная библиотека *(лат.).*

монеток» – конечно, если это не слишком дорого! – для своей нумизматической коллекции, и еще по возможности яшмовую трость с золоченой рукоятью (совсем не обязательно, чтобы золотая), какие присылают в длинных чехлах, подбитых алым бархатом. Нотариус мечтал о некоей редкости: колоде карт неведомого здесь рисунка, придуманной якобы художником Микеланджело, чтобы обучать детей арифметике, причем вместо обычных мастей – червонной, трефовой, бубновой и пиковой – на картах красовались звезды, солнце и луна, папа римский, дьявол, смерть, повешенный, безумец – последняя карта сводила на нет всю игру – и трубы Страшного суда, которые означали победный выигрыш. («Все это для ворожбы и гадания», – уверяла женщина, прислушиваясь к чтению списка и снимая тем временем браслеты и чулки.) Но прелестнее всего была просьба судьи Эмерито: для своей коллекции редкостей он хотел получить ни больше ни меньше как образцы итальянского мрамора, настаивая, чтобы среди них были – по возможности – темно-синий, мраморная мозаика, сиенский желтый, не говоря уж о белом пентелийском и красном нумидииском, весьма употребительном в древности, а может быть, также кусочек пятнистого с отпечатками раковин в прожилках и, если не очень затруднит его такая любезность, плиточка переливчатого, зеленого, зеленоватого, в разводах, – такой можно увидеть в иных ренессансных пантеонах…

– Да этого не дотащит ни один египетский раб, а их вы-

носливость восхвалял еще Аристофан! – воскликнул Хозяин. – Что же, мне бродить по свету с сундуком за спиной? Пропади они все пропадом, не собираюсь я тратить время в чужих странах на поиски редких фолиантов, необыкновенных камней или бальзама Фьерабраса. Единственный, кому я хочу доставить удовольствие, – это твой учитель музыки, Франсискильо. Да он и просил о таких скромных и невесомых дарах: сонаты, концерты, симфонии, оратории – тяжесть невелика, зато сколько гармонии… А теперь продолжай свою песню, парень…

Ah, dolente partita,
Ah, dolente partita!…

Дальше он не очень хорошо запомнил слова, как будто «A un giro sol di bell'occhi lucenti…» [9]. Но когда слуга допел мадригал и оторвал взгляд от грифа гитары, то увидел, что остался один: Хозяин и его ночная гостья удалились в спальню, обиталище святых в серебряных рамах, дабы предаться прощальным ласкам на ложе с инкрустациями из серебра, при свете свечей в высоких серебряных канделябрах.

---

[9] Одним взглядом прекрасных сверкающих глаз… *(итал.).*

II

Хозяин бродил среди ящиков, кое-как сваленных в сарае, – присаживался на один, передвигал другой, останавливался перед третьим – и снова и снова изливал свою досаду в бессвязных речах, то ярясь, то впадая в уныние. Недаром древние авторы говорили, что не в богатстве залог счастья и золото – лучше сказать, серебро – бессильно преодолеть преграды, поставленные роком на тернистом пути человеческой жизни. Едва они вышли из Веракруса, как на корабль обрушились яростные ветры: именно такие ветры и насылают, раздувая щеки, изображенные на аллегорических картах злые гении – враги мореплавателей. С изодранными парусами, пробитым корпусом и поврежденной палубой прибыли они наконец в тихую гавань и увидели Гавану, объятую горем и страхом, пораженную грозной эпидемией злокачественной лихорадки. Все там, как сказал бы Лукреций, «трепетали тогда в смятении полном, и каждый в мрачном унынии своих хоронил мертвецов как придется» [10]. («О природе вещей, книга шестая», – уточнил путешественник-эрудит, процитировав эти слова на память.) И вот, отчасти потому, что необходимо было привести в порядок потерпевший бедствие корабль и получше разместить груз, с самого начала

---

[10] *Перевод Ф. А. Петровского.*

плохо уложенный грузчиками в порту Веракруса, а главное – потому, что разумнее было стать на якорь подальше от зараженного города, они оказались здесь, в селении Регла, и при одном взгляде на эту жалкую деревушку, окруженную мангровыми зарослями, еще ярче возникал в памяти волшебный город, оставшийся далеко позади, его сверкающие купола, гордая осанка храмов, просторные дворцы – и лепные цветы на фасадах, и резные виноградные лозы в церковных нишах, и драгоценности в дарохранительницах, и многоцветие светильников, – город, подобный сказочному Иерусалиму в соборе, на створках главного алтаря. Здесь же тянутся узкие улочки с низкими домами, открытые окна загорожены вместо искусно кованных решеток простыми деревянными, кое-как выкрашенными в белый цвет, а черепица на кровлях такая, что в Койоакане вряд ли кто взял бы ее для курятника или свинарника. Все вокруг словно оцепенело в одуряющей жаре, пропитанной зловонием стоячей воды, свиного помета, загаженного хлева, и эта постоянная духота вызывала еще более острую тоску по прозрачному мексиканскому утру, когда кажется, будто до вулканов рукой подать, будто за каких-нибудь полчаса дойдет до них тот, кто любуется белыми вершинами, ослепительно сверкающими среди бескрайней синевы. И вот здесь-то остановились со своими ящиками, сундуками, узлами и корзинами пассажиры разбитого судна, поджидая, пока залечат его раны, а напротив, в городе, возведенном высоко над водами порта, царило зловещее

безмолвие, обычное для мест, отгороженных эпидемией от мира. Закрыты танцевальные залы, где, бывало, отплясывали гуарачу и ременео, а соблазнительные мулатки выставляли напоказ свои прелести, едва прикрытые прозрачными накрахмаленными кружевами. Закрыты увеселительные заведения на улицах Меркадерес, Обрапиа, Офисное, где часто устраивали – хотя это было не такой уж новинкой – концерты механических котов или музыкальных сосудов, показывали павлинов, танцующих форлану, знаменитых мальтийских близнецов и ученых американских дроздов, которые не только насвистывали модные песенки, но и подносили в клюве билетики с предсказанием судьбы. Словно господь время от времени решал покарать за неисчислимые грехи этот болтливый, чванный, беззаботный город, внезапно, когда никто не ожидал беды, на него веяло дыхание зловредной лихорадки, которая, по словам сведущих людей, приходила с гнилых болот, отравляющих ближнее побережье. Снова неотвратимо звучало «Dies Irae» [11], и люди принимали его как привычное и неизбежное появление колесницы смерти. Но главная беда была в том, что Франсискильо, промаявшись три дня, в конце концов испустил дух вместе с кровавой рвотой. Лицо у него стало желтее серы, беднягу положили в дощатый ящик и снесли на кладбище, где гробы приходилось наваливать один на другой, вдоль и поперек, словно спиленные стволы на лесосеке, потому что в земле не хватало места для мерт-

[11] «День гнева» – гимн, входящий в чин заупокойной мессы *(лат.)*.

вецов, которых везли со всех сторон… И вот Хозяин остался без слуги (а разве хозяин без слуги может быть настоящим хозяином?), и теперь, за отсутствием прислужника и мексиканской гитары, не сбудется его мечта о торжественном въезде, о знаменательном появлении на сцене Старого Света, куда он собирался прибыть богатым, богатейшим, разбрасывающим серебро потомком тех, кто отправился оттуда – как говорится, «дружески протянув одну руку и держа камень в другой» – искать счастья в краях Америки.

Но однажды на постоялом дворе, откуда каждый день уходили караваны вьючных мулов в Харуко, его внимание привлек молодой свободный негр, который ловко подстригал гривы мулам, чистил их скребницей, а в часы досуга пощипывал неприглядную гитару или, если приходила охота, распевал не совсем пристойные песенки о блудливых монахах и беспутных дурочках, подыгрывая себе на барабане или отбивая ритм парой уключин, и тогда возникал тот же звук – звон молотка о металл, – что раздается в мастерской мексиканского чеканщика. Путешественник только и ждал, как бы продолжить плавание, и, стремясь умерить свое нетерпение, по вечерам присаживался послушать пение негра во дворе, где стояли мулы. И вот он подумал, что теперь, когда богатые сеньоры взяли моду заводить черных слуг – а сдается, эти мавры появились уже в столицах Франции, Италии, Богемии и даже в далекой Дании, где королевы, как известно, убивают своих мужей, вливая им, словно дьявольскую музыку, яд

в уши, – неплохо было бы прихватить с собой такого слугу, конечно обучив его хоть немного хорошему обхождению, которое вряд ли ему знакомо. Он спросил у хозяина постоялого двора, честен ли парень, каких он нравов и воспитания, и узнал, что лучше его нет во всем поселке, что вдобавок он умеет читать, может написать не слишком сложное письмо и, говорят, даже поет по нотам. Затем Хозяин, побеседовав с Филомено – так звали конюха, – выяснил, что парень этот – правнук негра Сальвадора, который сотню лет назад был героем таких славных дел, что местный поэт, по имени Сильвестре де Бальбоа [12], воспел его в длинной и благозвучной оде «Зерцало терпения»…

Однажды, – рассказал паренек, – в водах Мансанильо, там, где густая полоса прибрежных деревьев скрывает от глаз надвигающуюся с моря опасность, встала на якорь бригантина под началом Жильбера Жирона, французского еретика, из тех, кто не верит ни в святых, ни в деву Марию. Он командовал шайкой лютеран, отпетых разбойников, которые творили свои злодеяния по всему простору Карибского моря и Флоридского пролива, нападая на корабли, промышляя контрабандой и грабежами. Прознал свирепый Жирон, что в асьендах Яры, в нескольких милях от берега, находился объезжавший свою епархию добрый фрай Хуан де лас Кабесас Альтамирано, епископ острова, который в старину назывался Фернандина – «потому что, когда открыл его Великий ад-

---

[12] *Сильвестре де Бальбоа (ок. 1563 – 1649)* – кубинский поэт.

мирал дон Христофор, в Испании правил король Фердинанд, а верховодила королева. Может, она и в постели брала над ним верх, кто его знает, тут такое дело, что…».

– Веди-ка свой рассказ прямиком, парень, – прервал путешественник, – и не пускайся в околичности. Чего не докажешь, о том и говорить нечего.

– Ладно, – сказал негр.

Он поднял руки и задвигал большими пальцами и мизинцами, словно это были ручки человечков, и вся история пошла так живо, будто ее изображал ловкий комедиант, выхватывая из-за спины своих кукол и заставляя их играть как на сцене. («Так показывают в балаганах на мексиканских ярмарках, – подумал путешественник, – историю Монтесумы и Эрнана Кортеса».) Значит, гугенот прознал, что святой пастырь Фернандины ночует в Яре, и повел туда своих висельников со злым умыслом похитить епископа и потребовать за него богатый выкуп. На рассвете, когда все жители спали, он прокрался в селение, не долго думая схватил добродетельного прелата и потребовал за его свободу дань – огромную для этого бедного люда: двести дукатов деньгами, сто арроб мяса и сала, тысячу бычьих кож, не говоря уж о других требованиях этого сборища порочных скотов. Несчастные поселяне кое-как собрали непомерно тяжелую дань, и епископ вернулся к своей пастве, устроившей в его честь веселые празднества, «о которых впоследствии будет рассказано более подробно», – предупредил паренек и, нахмурив

брови, торжественным тоном начал вторую, еще более драматическую часть своего повествования…

Об этих событиях узнал некий храбрец Грегорию Рамос, воин «бесстрашный, как паладин Рольдан» [13], и негодуя, решил, что не добьется француз своего, не попользуется столь легко захваченной добычей. Быстро собрал он отряд смельчаков, настоящих мужчин, и, став во главе их, направился в Мансанильо, чтобы сразиться с пиратом Жироном. Все это были люди закаленные, боевые, горячего нрава и недюжинной силы, однако же, идя на битву, они могли захватить с собой лишь то, что нашлось под рукой, ибо не военное дело было их обычным занятием. Кто тащил заточенный железный брус или в лучшем случае ржавое копье; кто – палку с железным наконечником, годную погонять волов, или мотыгу, а вместо щита – намотанную на руку шкуру ламантина. Были с ними и несколько индейцев-набори, готовых бороться, пользуясь хитростью и ловкостью, присущими их племени. Но главное – главное! – в отряд, охваченный героическим пылом, вступил *некто, еще один, Тот самый* (и тут рассказчик снял свою растрепанную соломенную шляпу), кого поэт Сильвестре де Бальбоа воспел в особой строфе:

Средь нас был эфиоп, достойный восхваленья,
сын старца Голомона Сальвадор,
один из тех, кто Яры разоренье

[13] Искаж. Роланд, герой «Песни о Роланде».

стерпеть не мог, не мог снести позор.
Завидев издали Жирона удалого,
храбрец с мачете острым и копьем,
как лев, метнулся на врага лихого,
пылая праведного мщения огнем.

Долгим и ожесточенным был бой. Одежда негра превратилась в лохмотья, изодранная ножом лютеранина, а тот сражался, надежно защищенный кольчугой норманнской выделки. Но вот, пустив в ход уловки и хитрости, принятые при разбивке на гурты стада свирепых быков, бесстрашный Сальвадор сбил с толку, вымотал, лишил сил, загонял Жирона и наконец

Копье по древко в грудь ему вонзил
и недруга на месте уложил.
Будь славен, Сальвадор [14], воистину спаситель
родного края! Пусть не устают
уста и перья, доблестный воитель,
честь воздавать тебе, как ныне воздают! [15]

Пирату отсекли голову и вздели ее на острие копья, чтобы все встречные узнали о его жалком конце; затем, сняв голову с копья, насадили ее на лезвие кинжала, который вошел в глотку по самую рукоять, и с этим трофеем, под вос-

---

[14] Сальвадор – в переводе с испанского «спаситель».

[15] *Перевод Н. Наумова.*

торженные клики победителей, бесстрашный воин явился в славный город Баямо. Дружным хором жители потребовали, чтобы негру Сальвадору было пожаловано звание свободного человека, ибо он с честью заслужил его. Власти оказали ему эту милость. И с возвращением святейшего епископа все население предалось празднествам и ликованию. Тихо радовались старики, веселились женщины, шумно забавлялись ребятишки, и, горюя, что их не позвали на веселое гулянье, сквозь густую зелень гуайяв и сахарного тростника подглядывали целые сонмы (рассказывал Филомено, игрой рук изображая внешний вид, рога и прочие отличия всех, кого перечислял) сатиров, фавнов, лесовиков, козлоногих, кентавров, наяд и даже дриад «в кружевных юбочках». Что касается козлоногих и кентавров, выглядывающих из листвы кубинских гуайяв, то путешественнику они показались некоторым излишеством воображения поэта Бальбоа, однако же он не мог не восхититься тем, что негритенок из Реглы способен произнести столько названий, возникших в далекие языческие времена. А молодой конюх – гордый своим высоким происхождением и необычайными почестями, выпавшими на долю его прадеда, – ничуть не сомневался, что на всех ближних островах встречаются сверхъестественные существа, порождения классической мифологии, очень похожие на других обитателей – правда, с более темным цветом лица – здешних лесов, рек и пещер, а также и на тех, кто живет в далеких туманных царствах, откуда пришли пред-

ки знаменитого Сальвадора. Сам же Сальвадор, на свой лад, был настоящим Ахиллом, ибо там, где нет Трои, появляется, если происходят события поистине значительные, Ахилл из Баямо или Ахилл из Койоакана. А пока что, распевая на все голоса, предаваясь самозабвенной игре, пуская в ход звукоподражание, хлопая в ладоши, подпрыгивая, стуча по ящикам, кувшинам, корытам, кормушкам, пробегая палочками по изгороди патио, издавая крики и выбивая дробь пятками, Филомено старался воспроизвести оглушительную музыку, звучавшую во время достопамятного празднества; оно длилось чуть ли не два дня и две ночи, и, надо сказать, поэт Бальбоа дотошно перечислил все инструменты – флейты, волынки и «рабелей до ста» («Ну, это уже виршеплет приврал для рифмы, – подумал путешественник, – никто никогда не слыхивал, чтобы одновременно играли сто рабелей [16], даже при дворе короля Филиппа, а он, говорят, был таким любителем музыки, что всегда возил с собой переносной орган, на котором в часы досуга играл ему слепец Антонио де Кабесон»), трубы, квадратные и круглые бубны, тамбурины, литавры и даже типинагуа, которые индейцы делают из выдолбленной тыквы, – инструменты самые разнообразные, ибо для этого всенародного концерта объединились музыканты Кастилии и Канарских островов, креолы и метисы, индейцы и негры. «Белые и цветные вперемешку в этом шумном торжестве? – подумал путешественник. – Какая уж тут возможна гармо-

[16] *Рабель* – трехструнная пастушья скрипка.

ния? Ведь это нелепость – слыхано ли, чтобы старые благородные мелодии романсов, искусные вариации истинных мастеров сливались с варварским грохотом, какой поднимают негры своими мараками и барабанами… Адская какофония, ничего больше не могло получиться, и сдается мне, этот Бальбоа – отъявленный обманщик». Но он также подумал – и теперь с еще большей уверенностью, – что правнук Голомона более всех достоин унаследовать парадный костюм покойного Франсискильо. И однажды утром, предложив Филомено место слуги, чужеземец заставил его примерить красный камзол, и оказалось, что камзол сидит великолепно. Затем нахлобучил на него белый парик, и негр показался еще чернее, чем был. Со светлыми панталонами и чулками все обошлось неплохо. А вот в башмаки с пряжками шишковатые ступни Филомено влезли не без труда, но, надо полагать, тоже постепенно привыкнут…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.